

сельского священника. Обыкновенно въ сомнительныхъ случаяхъ Дирекція Имп. Театровъ приглашала на генеральную репетицію представителей цензуры. Были на этой репетиции Начальникъ Главнаго Управленія (чуть ли не тотъ же А. В. Бельгардъ) и я. Давыдовъ игралъ изумительно. Припоминаю начало акта, когда священникъ (симпатичный попикъ, въ подрясникѣ, съ косичкой жидкихъ волосъ), остается одинъ на сценѣ и отъ нечего дѣлать, мурлыча какой то церковный напѣвъ, расхаживаетъ по комнатѣ. То съ канарейкой поиграетъ, то потрогаетъ клавишу старенькаго пианино, а то просто сядетъ на плетеную качалку и задумчиво раскачивается впередъ и назадъ. Повторяю, эта нѣмая сцена сыграна была такъ безподобно, что зала, какъ одинъ человекъ, дрогнула отъ аплодисментовъ. И что же? Пришлось вынести рѣшеніе, тягостное для всѣхъ насъ: священника немисливо было было выпускать на сцену. Это строго запрещалъ законъ.

Что же у насъ разрѣшалось? На это можно отвѣтить однимъ словомъ. *Все*, за исключеніемъ того, что посягало на государственный порядокъ, религію и нравственность. По поводу количества разрѣшенныхъ произведеній невольно припоминаются первые дни революціи. Къ намъ были командированы отъ Временнаго Правительства три лица, въ качествѣ «освѣдомителей»: О. Д. Батюшковъ, Ев. П. Карповъ и А. Р. Кугель. Когда они потребовали списокъ запрещенныхъ пьесъ, мы не знали что имъ показать. Во всякомъ случаѣ не то, на что они рассчитывали. Получилась картина аналогичная той, которая случилась во французскую революцію, когда, ворвавшись въ Бастилію, осаждавшіе эту крѣпость, нашли въ ней не государственныхъ преступниковъ, а... нѣсколько неиправныхъ должниковъ.

Вотъ что еще насъ очень тяготило такъ это борьба съ парнографіей, въ пьесахъ и на сценѣ. Главнымъ образомъ на сценѣ. Существовали не только специальные театры, но еще специальные актеры, культивировавшіе непристойность. Кто не вспомнить по этому поводу покойнаго А. Смольякова. Талантливый артистъ, онъ, по своей натурѣ, не могъ оставаться въ рамкахъ дозволеннаго. Сколько разъ на этотъ счетъ я бесѣдовалъ съ нимъ лично. Артистъ клялся всѣми богами, что выполнить свое обѣщаніе (не позволить себѣ какой нибудь пакости), но выйдетъ на сцену и забудетъ данное слово.

Театры отъ этого, конечно, страдали.

Впрочемъ, сами театры были не прочь, въ угоду публики, нарушить всякія условія. Узнавали мы объ этомъ случайно, отъ авторовъ пьесъ. Принесетъ господинъ непристойность и удивляется, что ее ему запрещаютъ.

— Да позвольте, посмотрите, что дѣлается въ «Невскомъ Фарсѣ»!

— А вы видѣли цензурный экземпляръ?

— Нѣтъ, не видаль, но это не мѣняетъ существа дѣла. Въ театрѣ играютъ Богъ знаетъ что!

И вотъ приходится идти въ театръ. Обыкновенно этимъ занимался мой товарищъ, покойный М. А. Толстой, въ большинствѣ случаевъ цензуравшей фарсы. Въ театрѣ его отлично знали и едва онъ показывался въ заллѣ (иногда даже съ купленными билетами), какъ по волшебству мѣнялась mise en scene пьесы: убиралась двухспальная кровать, артистъ надѣвалъ панталоны, обнаженія было меньше и т. д.

Еще донимали насъ куплетами. Ихъ приносили русскіе и французскіе артисты. Почему то первые отличались особенной безграмотностью, вещи назывались собственными именами, на стѣсняясь. По поводу французскихъ куплетовъ я всегда держалъ особаго мнѣнія. Исполнялись они обыкновенно въ желѣзномъ театрѣ «Акваріума» и по свойству языка и качеству артистовъ, были доступны незначительному меньшинству. Почему же къ нимъ прѣявляютъ особая строгость? Однако, тотъ же М. А. Толстой держался противоположнаго взгляда и торговался за каждую строчку. На этотъ счетъ выходили иногда курьезы. Въ числѣ пѣвчечекъ легкаго жанра была у насъ очень популярна французенка Mlle Madry. Въ Петербургѣ она создала себѣ массу поклонниковъ, среди нихъ нѣсколько высокопоставленныхъ, между прочимъ помощникъ Градоначальника генераль Вендорфъ. Наступаетъ бенефисъ Мадри. Изъ Парижа ей прислали модный куплетъ, ужасно неприличный, подъ названіемъ «Le Shah de Perse». Толстой его, конечно, запрещаетъ, и Мадри въ отчаяніи. Тогда въ приемной Начальника появляется рѣдкой гость, помощникъ Градоначальника. Онъ въ качествѣ просителя: «нельзя ли очаровательной Mlle Madry пропѣть запрещенный куплетъ» только одинъ разъ, въ день ея бенефиса?»

А. В. Бельгардъ хохочетъ. Зовутъ М. А. Толстаго.

— Михаилъ Алексѣевичъ, нужно исполнить просьбу генерала. Что вы по этому поводу думаете?

— Какъ угодно В. П., куплетъ такой неприличный!

— Но Мадри такая очаровательная! Въ концѣ концовъ куплетъ разрѣшаютъ; Мадри его поетъ и, разумеется, не только въ свой бенефисъ, но и позже: кто пойдетъ это провѣрять? Къ числу яркихъ непристойностей (правда, иного характера) отнесу пьесу, написанную по случаю знаменитаго ухода Льва Толстаго изъ Ясной Поляны. Какой то господинъ принесъ ее, спустя дня два послѣ событія, для представленія въ... циркѣ.

— Что сдѣлали вы, съ авторомъ? спросилъ я моего помощника С. К. Реброва.

— Я чуть не спустилъ его съ лѣстницы, отвѣчалъ тотъ, смѣясь.

Пьесу конечно запретили. Въ заключеніе приведу нѣсколько любопытныхъ подробностей, которыми, въ большинствѣ случаевъ неопытные драматурги, оснащали свои произведенія.

Вотъ напримѣръ пьеса, гдѣ идетъ рѣчь о молодой барышнѣ, имѣющей якобы предрасположеніе къ чахоткѣ. Призванный по этому поводу врачъ долженъ осмотрѣть больную.

Авторъ дѣлаетъ здѣсь ремарку: «на нѣсколько минутъ занавѣсъ падаетъ». Когда онъ вновь поднимается, врачъ говоритъ громко:

— Нѣтъ, она совершенно здорова. Въ другой пьесѣ, гдѣ фигурируетъ на сценѣ толпа, драматургъ послѣ перечисленія дѣйствующихъ лицъ, заканчиваетъ свой списокъ слѣд. ремаркой:

«въ качествѣ статистовъ: солдаты, студенты, носильщики, жандармы, графы, князья и пр.»

Повидимому разрѣшеніе пьесы цензурой играло извѣстную роль въ провинціальномъ быту автора, ибо этому событію посвящалась цѣликомъ пьеса. Получивъ разрѣшеніе, герой комедіи, онъ же драматургъ, зоветъ къ себѣ друзей и знакомыхъ, устраиваетъ имъ блестящій праздникъ, самъ напивается пьянъ и т. д.

Въ жизни, не на сценѣ, цензурная скрѣпка не играла, конечно, большого значенія, но тѣмъ не мѣнье съ ней считались. Сужу по тому, что, когда разразилась революція и мы прекратили нашу работу, авторы все же усиленно насъ упрашивали «скрѣплять» ихъ экземпляры.

— Да зачѣмъ это вамъ? отвѣчали мы, сейчасъ всѣ свободны. Пишите что и какъ вамъ вздумается.

Не тутъ то было. Драматурги настаиваютъ. Видятъ въ этомъ талисманъ какой то. «Что вамъ стоитъ?»

Помнится, двумъ, тремъ авторамъ пьесы такимъ образомъ скрѣпили.

Бар. П. В. Дризенъ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ И РАБОТАЕТЪ И. А. БУНИНЪ.

— Но я не могу сообщить вамъ о себѣ ровно ничего интереснаго... Со мной, слава Богу, не произошло никакого происшествія, никакого трагического инцидента, которые могли бы интересовать публику, съ улыбкой встрѣчаетъ меня И. А. Бунинъ.

Пришлось вступить за читателей «Иллюстрированной Россіи» и убождать И. А. въ томъ, что они ни сколько не будутъ въ претензіи на журналъ, если вмѣсто какихъ либо сенсационныхъ происшествій изъ его жизни прочтутъ простой правдивый рассказъ о томъ, въ какихъ условіяхъ онъ живетъ и работаетъ на чужбинѣ.

— Да я работаю то сейчасъ очень мало, говоритъ Бунинъ. Въ Парижѣ жизнь складывается такъ, что не хватаетъ времени писать.

Уловивъ мой взглядъ, невольно ос-

Въ салатѣ.

Зато въ Грассѣ жизнь Бунина складывается совершенно иначе. Тамъ онъ рано подымается съ постели и цѣлые дни посвящаетъ работѣ. Пишетъ онъ по большей части на своемъ любимомъ балконѣ, съ котораго открывается восхитительный видъ на море и откуда, по словамъ самаго И. А., при нѣкоторомъ воображеніи, по прямой линіи «виденъ южный полюсъ».

Свой досугъ на Ривьерѣ Бунинъ посвящаетъ главнымъ образомъ, поѣздкамъ къ морю и прогулкамъ по окрестностямъ. Вечерами читаетъ, изрѣдка же любить бывать въ кинематографѣ.

За работой.

тановившійся на лежащей на столѣ новой книжкѣ романа «Митина Любовь» И. А. добавляетъ:

— «Митину Любовь» я писалъ не въ Парижѣ. Это плоды моихъ трудовъ въ деревнѣ.

Оказывается романъ былъ написанъ на Ривьерѣ, въ Грассѣ, гдѣ И. А. Бунинъ постоянно проводитъ со своей супругой, Вѣрой Николаевной, 6—7 мѣсяцевъ въ году.

Въ Парижѣ русская общественная жизнь, въ которой И. А. Бунинъ принимаетъ дѣятельное участіе отнимаетъ у него столько времени, что писать некогда.

— Днемъ — объясняетъ И. А., постоянно заглядываетъ то тотъ, то другой «на минуточку». А въ извѣстно, что у русскихъ людей минуточка бываетъ долгая. Вечеромъ безчисленные засѣданія. Поэтому ложиться и вставать приходится поздно. Читаю я лишь по ночамъ, писать же по ночамъ избѣгаю, ибо потомъ не могу заснуть до утра.

В. Н. и И. А. Бунины за чайнымъ столомъ.

Только послѣ ласковаго теплаго Ривьеры, по возвращеніи въ Парижъ, трудно привыкать къ холодамъ.

— Совсѣмъ я отвыкъ отъ зимы, говоритъ И. А. раньше мнѣ было совершенно непонятно, какъ это при 2.-3 градусахъ мороза французы чуть не умираютъ отъ холода. А теперь я самъ замерзаю въ Парижѣ.

Бросивъ взглядъ на часы и замѣтивъ, что моя «минуточка» тоже затянулась, я прощаюсь съ И. А., пожелававъ ему поскорѣе вернуться къ морю и солнцу.

А. Владиславъ.